

Good Book

Упражнение
работы

Good Book

Упражнение
работы

Боб Блэк (англ. Bob Black), полное имя — Чарльз Роберт Блэк-младший (англ. Robert Charles Black, Jr.), родился 4 января 1951 в Детройте — американский анархист, автор эссе «Упр-азднение работы», «Анархизм и другие препятствия для анархии», «Феминизм как фашизм» и других. Известен своими конфликтами и резкой критикой оппонентов, в особенности внутри анархистского движения (в эссе «Анархизм и другие препятствия для анархии» — современных американских левых и анархистов, в «Либертарианце как консерваторе» — либертарианцев, в «Антиядерном терроре» — движение против АЭС).

Тираж: чем больше - тем лучше
Типография: где подешевле
Бумага: на которой придётся

Боб Блэк (англ. Bob Black), полное имя — Чарльз Роберт Блэк-младший (англ. Robert Charles Black, Jr.), родился 4 января 1951 в Детройте — американский анархист, автор эссе «Упр-азднение работы», «Анархизм и другие препятствия для анархии», «Феминизм как фашизм» и других. Известен своими конфликтами и резкой критикой оппонентов, в особенности внутри анархистского движения (в эссе «Анархизм и другие препятствия для анархии» — современных американских левых и анархистов, в «Либертарианце как консерваторе» — либертарианцев, в «Антиядерном терроре» — движение против АЭС).

Тираж: чем больше - тем лучше
Типография: где подешевле
Бумага: на которой придётся

Мы желаем вам удачи в акциях прямого действия, проведении митингов, раздаче еды нуждающимся, создании коммуны и прочих хороших делах. Независимо от того, какую тактику вы выбрали в борьбе с властью и капиталом за лучшее будущее -

мы всей душой с вами.

<http://goodbooks.noblogs.org>

Мы желаем вам удачи в акциях прямого действия, проведении митингов, раздаче еды нуждающимся, создании коммуны и прочих хороших делах. Независимо от того, какую тактику вы выбрали в борьбе с властью и капиталом за лучшее будущее -

мы всей душой с вами.

<http://goodbooks.noblogs.org>

Экземпляр, который вы держите в руках, может быть напечатан в анархистской типографии, офисе какой-нибудь тур-фирмы, у кого-то дома или на сквоту. Мы будем рады, если и вы распечатаете несколько штук и распространите среди друзей, отнесёте в ближайший книжный магазин или раздадите на очередном пикете.

Так же хотелось бы напомнить, что на производство бумаги, красок и оборудования затрачивается огромное кол-во природных ресурсов и человеческого труда. И чем бережней вы будете относиться к вещам - тем будет лучше для всех.

Экземпляр, который вы держите в руках, может быть напечатан в анархистской типографии, офисе какой-нибудь тур-фирмы, у кого-то дома или на сквоту. Мы будем рады, если и вы распечатаете несколько штук и распространите среди друзей, отнесёте в ближайший книжный магазин или раздадите на очередном пикете.

Так же хотелось бы напомнить, что на производство бумаги, красок и оборудования затрачивается огромное кол-во природных ресурсов и человеческого труда. И чем бережней вы будете относиться к вещам - тем будет лучше для всех.

Никто никогда не должен работать.

Работа – это источник почти всех несчастий в мире. Любое из зол, которые приходят вам на ум, проистекает от работы или от того, что мы живем в мире, созданном для работы. Для того, чтобы перестать страдать, мы должны перестать работать.

Это вовсе не значит, что мы должны перестать что-либо делать. Это значит, что мы должны создать новый образ жизни, основанный на игре, другими словами, совершить лудическую революцию (в русском языке нет подходящего слова для передачи смысла этого прилагательного, происходящего от латинского *ludens* и отсылающего к названию книги Иоганна Хейзинги «*Homo Ludens*. Человек играющий»; поэтому в тексте мы будем использовать слово «лудический» - прим. перев.) . Под игрой

Никто никогда не должен работать.

Работа – это источник почти всех несчастий в мире. Любое из зол, которые приходят вам на ум, проистекает от работы или от того, что мы живем в мире, созданном для работы. Для того, чтобы перестать страдать, мы должны перестать работать.

Это вовсе не значит, что мы должны перестать что-либо делать. Это значит, что мы должны создать новый образ жизни, основанный на игре, другими словами, совершить лудическую революцию (в русском языке нет подходящего слова для передачи смысла этого прилагательного, происходящего от латинского *ludens* и отсылающего к названию книги Иоганна Хейзинги «*Homo Ludens*. Человек играющий»; поэтому в тексте мы будем использовать слово «лудический» - прим. перев.) . Под игрой

я имею в виду веселье, творчество, дружелюбие, совместную деятельность и, может быть, даже искусство. Игра – это больше, чем просто детская игра, хотя и детская игра – это очень ценно. Я призываю к коллективному приключению во всеобщем веселье и свободной взаимозависимой экспансивности. Игра не пассивна. Конечно, нам необходимо гораздо больше времени для полного расслабления и праздности, чем мы имеем сейчас, независимо от того, кем мы работаем и сколько получаем, но как только мы избавимся от вызываемой трудовой деятельностью измотанности, почти все из нас захотят что-то делать. Обломовщина и стахановщина – две стороны одной и той же обесценившейся монеты.

Лудическая жизнь абсолютна несовместима с существующей действительностью. Тем хуже для

я имею в виду веселье, творчество, дружелюбие, совместную деятельность и, может быть, даже искусство. Игра – это больше, чем просто детская игра, хотя и детская игра – это очень ценно. Я призываю к коллективному приключению во всеобщем веселье и свободной взаимозависимой экспансивности. Игра не пассивна. Конечно, нам необходимо гораздо больше времени для полного расслабления и праздности, чем мы имеем сейчас, независимо от того, кем мы работаем и сколько получаем, но как только мы избавимся от вызываемой трудовой деятельностью измотанности, почти все из нас захотят что-то делать. Обломовщина и стахановщина – две стороны одной и той же обесценившейся монеты.

Лудическая жизнь абсолютна несовместима с существующей действительностью. Тем хуже для

удачного полового акта: участники раскрепощают удовольствия друг друга, никто не считает очки и никто не побеждает. Чем больше ты отдаешь, тем больше получаешь. В лудической жизни хороший секс растворится в повседневной жизни. Всеобщая игра приведет к либидинизации жизни. Секс в свою очередь может стать менее необходимым и отчаянным, более игривым. Если мы будем играть правильно, то все мы получим от жизни больше, чем отдадим; но это только если мы будем играть ва-банк.

Никто никогда не должен работать.

Пролетарии всех стран...

расслабьтесь!

1980, 1985

***Выходные данные:** перевод Михаила Цовмы. Печатается с незначительными сокращениями.*

удачного полового акта: участники раскрепощают удовольствия друг друга, никто не считает очки и никто не побеждает. Чем больше ты отдаешь, тем больше получаешь. В лудической жизни хороший секс растворится в повседневной жизни. Всеобщая игра приведет к либидинизации жизни. Секс в свою очередь может стать менее необходимым и отчаянным, более игривым. Если мы будем играть правильно, то все мы получим от жизни больше, чем отдадим; но это только если мы будем играть ва-банк.

Никто никогда не должен работать.

Пролетарии всех стран...

расслабьтесь!

1980, 1985

***Выходные данные:** перевод Михаила Цовмы. Печатается с незначительными сокращениями.*

«действительности», этой черной дыры, высасывающей из жизни то небольшое, что еще отличает ее от простого выживания. Интересно – хотя может быть и не очень – что все старые идеологии консервативны именно потому, что они верят в работу. Некоторые из них, как марксизм и большинство направлений в анархизме, верят в работу тем более истово, потому что они верят в немного кроме нее.

Либералы говорят, что мы должны положить конец дискриминации при приеме на работу. Консерваторы поддерживают законы о праве на труд. Вслед за беспутным зятем Карла Маркса Полем Лафаргом я – сторонник права быть праздным (Поль Лафарг написал книгу «Право быть праздным» - прим. перев.). Левые высказываются в пользу всеобщей занятости. Как и сюрреали-

«действительности», этой черной дыры, высасывающей из жизни то небольшое, что еще отличает ее от простого выживания. Интересно – хотя может быть и не очень – что все старые идеологии консервативны именно потому, что они верят в работу. Некоторые из них, как марксизм и большинство направлений в анархизме, верят в работу тем более истово, потому что они верят в немного кроме нее.

Либералы говорят, что мы должны положить конец дискриминации при приеме на работу. Консерваторы поддерживают законы о праве на труд. Вслед за беспутным зятем Карла Маркса Полем Лафаргом я – сторонник права быть праздным (Поль Лафарг написал книгу «Право быть праздным» - прим. перев.). Левые высказываются в пользу всеобщей занятости. Как и сюрреали-

стам, - с той лишь разницей, что я не шу-
чу, - мне по душе всеобщая безработи-
ца. Троцкисты агитируют за
перманентную революцию. Я же агити-
рую за перманентное веселье. Но, не-
смотря на то, что все идеологи
защищают работу, - и не только потому,
что они хотят заставить других людей
делать работу за них, они как-то не
очень охотно говорят об этом. Они гото-
вы бесконечно говорить о рабочем вре-
мени, условиях труда, эксплуатации,
производительности, прибыльности. Они
с радостью говорят о чем угодно, только
не о самой работе. Эти эксперты,
предлагающие нам думать за нас, очень
редко делятся своими соображениями
по поводу работы, несмотря на то значи-
тельное место, которое она занимает в
нашей жизни. Между собой они спорят о
деталях. Профсоюзы и предпринимате-
ли согласны в том, что мы должны про-

стам, - с той лишь разницей, что я не шу-
чу, - мне по душе всеобщая безработи-
ца. Троцкисты агитируют за
перманентную революцию. Я же агити-
рую за перманентное веселье. Но, не-
смотря на то, что все идеологи
защищают работу, - и не только потому,
что они хотят заставить других людей
делать работу за них, они как-то не
очень охотно говорят об этом. Они гото-
вы бесконечно говорить о рабочем вре-
мени, условиях труда, эксплуатации,
производительности, прибыльности. Они
с радостью говорят о чем угодно, только
не о самой работе. Эти эксперты,
предлагающие нам думать за нас, очень
редко делятся своими соображениями
по поводу работы, несмотря на то значи-
тельное место, которое она занимает в
нашей жизни. Между собой они спорят о
деталях. Профсоюзы и предпринимате-
ли согласны в том, что мы должны про-

стей левачества, чьи поклонники яв-
ляются последними сторонниками рабо-
ты, потому что, если не будет работы, то
не будет рабочих, а если не будет рабо-
чих, то кого будут организовывать ле-
вые?

Итак, аболиционистам придется рас-
считывать в основном на собственные
силы. Никто не может сказать, что
произойдет в результате освобождения
творческих сил, скованных ныне рабо-
той. Возможно все. Проблема свободы и
необходимости с ее теологическими
мотивами разрешается практически,
когда производство потребительных сто-
имостей перетекает в потребление заме-
чательных игр-действий.

Из игры на деньги, какой она является
сейчас, жизнь превратится в игру, вер-
нее сразу во множество игр. Парадигма
игры на производстве та же, что у

стей левачества, чьи поклонники яв-
ляются последними сторонниками рабо-
ты, потому что, если не будет работы, то
не будет рабочих, а если не будет рабо-
чих, то кого будут организовывать ле-
вые?

Итак, аболиционистам придется рас-
считывать в основном на собственные
силы. Никто не может сказать, что
произойдет в результате освобождения
творческих сил, скованных ныне рабо-
той. Возможно все. Проблема свободы и
необходимости с ее теологическими
мотивами разрешается практически,
когда производство потребительных сто-
имостей перетекает в потребление заме-
чательных игр-действий.

Из игры на деньги, какой она является
сейчас, жизнь превратится в игру, вер-
нее сразу во множество игр. Парадигма
игры на производстве та же, что у

Гудман Communitas дает показательные примеры, показывающие детерминированность определенных социальных форм функциями (целями), из которых они проистекают. Некоторые ценные крупницы могут быть найдены и в зачисту туманных работах глашатаев альтернативной/приемлемой/дружественной технологии, таких, как Шумахер и, в особенности, Иллич, стоит лишь отключить созданные ими устройства для нагнетания тумана. Ситуационисты, - например, книга Ванейгема «Революция повседневной жизни» или статьи, собранные в «Антологию Ситуационистского Интернационала», - так безжалостно откровенны, что при чтении их вас охватывает веселье, хотя они так никогда и не отождествили власть рабочих советов с упразднением труда. Но уж лучше их непоследовательность, чем любая из сохранившихся разнообразно-

Гудман Communitas дает показательные примеры, показывающие детерминированность определенных социальных форм функциями (целями), из которых они проистекают. Некоторые ценные крупницы могут быть найдены и в зачисту туманных работах глашатаев альтернативной/приемлемой/дружественной технологии, таких, как Шумахер и, в особенности, Иллич, стоит лишь отключить созданные ими устройства для нагнетания тумана. Ситуационисты, - например, книга Ванейгема «Революция повседневной жизни» или статьи, собранные в «Антологию Ситуационистского Интернационала», - так безжалостно откровенны, что при чтении их вас охватывает веселье, хотя они так никогда и не отождествили власть рабочих советов с упразднением труда. Но уж лучше их непоследовательность, чем любая из сохранившихся разнообразно-

давать время своей жизни в обмен на средства существования, хотя они и торгуются о цене. Марксисты считают, что нами должны управлять бюрократы. Либертарианцы считают, что нами должны управлять предприниматели. Феминисткам все равно, в какой форме будет осуществляться управление, коль скоро начальниками будут женщины. Очевидно, что среди этих идеологических проповедников существуют серьезные разногласия по поводу того, как поделить между собой власть. Но столь же очевидно, что ни у кого из них не возникает никаких возражений против власти как таковой, и все они хотят чтобы мы продолжали работать.

Вам, наверное, интересно, серьезно я это говорю или шучу. Я серьезен и шучу. Быть лудическим не значит быть смехотворным. Игра не обязательно должна

давать время своей жизни в обмен на средства существования, хотя они и торгуются о цене. Марксисты считают, что нами должны управлять бюрократы. Либертарианцы считают, что нами должны управлять предприниматели. Феминисткам все равно, в какой форме будет осуществляться управление, коль скоро начальниками будут женщины. Очевидно, что среди этих идеологических проповедников существуют серьезные разногласия по поводу того, как поделить между собой власть. Но столь же очевидно, что ни у кого из них не возникает никаких возражений против власти как таковой, и все они хотят чтобы мы продолжали работать.

Вам, наверное, интересно, серьезно я это говорю или шучу. Я серьезен и шучу. Быть лудическим не значит быть смехотворным. Игра не обязательно должна

быть фривольной, хотя фривольность – это не тривиальность; очень часто мы должны серьезно относиться к фривольности. Я хотел бы, чтобы жизнь была игрой, - но игрой на высокие ставки. Я хочу играть не понарошку.

Альтернатива работе – это не просто праздность. Быть лудическим не значит находиться в состоянии наркотического оцепенения. Хотя я очень ценю удовольствие оцепенения, оно никогда не кажется столь чудесным, как в те моменты, когда оно перемежается другими удовольствиями и времяпрепровождениями. Я вовсе не хочу защищать управляемое, дисциплинируемое временем устройство для выпуска пара, именуемое «досугом», я далек от этого. Досуг – это не-работа ради работы. Досуг – это время, которое мы тратим, чтобы отдохнуть от работы в отчаянных, но

быть фривольной, хотя фривольность – это не тривиальность; очень часто мы должны серьезно относиться к фривольности. Я хотел бы, чтобы жизнь была игрой, - но игрой на высокие ставки. Я хочу играть не понарошку.

Альтернатива работе – это не просто праздность. Быть лудическим не значит находиться в состоянии наркотического оцепенения. Хотя я очень ценю удовольствие оцепенения, оно никогда не кажется столь чудесным, как в те моменты, когда оно перемежается другими удовольствиями и времяпрепровождениями. Я вовсе не хочу защищать управляемое, дисциплинируемое временем устройство для выпуска пара, именуемое «досугом», я далек от этого. Досуг – это не-работа ради работы. Досуг – это время, которое мы тратим, чтобы отдохнуть от работы в отчаянных, но

в свое время использовались для хранения оливкового масла. Я сомневаюсь, что наши нынешние артефакты будут столь же цениться в будущем, если оно вообще есть. Штука в том, что в таком деле как работа, вообще нет прогресса; если что и есть, так это его противоположность. Мы не должны бояться ограбить прошлое в поисках того интересного, что оно может предложить; древние не обеднеют, зато мы приобретем много ценного.

Заново открыть для себя повседневную жизнь – значит выйти за края карты. В действительности, существует гораздо больше интересных размышлений на эту тему, чем думают многие. Кроме Фурье и Морриса, и разбросанных тут и там мыслей у Марска, есть сочинения Кропоткина, синдикалистов Пато и Пуже, анархо-коммунистов старых (Беркман) и новых (Букчин). Книга Пола и Персиваля

в свое время использовались для хранения оливкового масла. Я сомневаюсь, что наши нынешние артефакты будут столь же цениться в будущем, если оно вообще есть. Штука в том, что в таком деле как работа, вообще нет прогресса; если что и есть, так это его противоположность. Мы не должны бояться ограбить прошлое в поисках того интересного, что оно может предложить; древние не обеднеют, зато мы приобретем много ценного.

Заново открыть для себя повседневную жизнь – значит выйти за края карты. В действительности, существует гораздо больше интересных размышлений на эту тему, чем думают многие. Кроме Фурье и Морриса, и разбросанных тут и там мыслей у Марска, есть сочинения Кропоткина, синдикалистов Пато и Пуже, анархо-коммунистов старых (Беркман) и новых (Букчин). Книга Пола и Персиваля

дям, некоторые из которых действительно будут своего рода «извращенцами». Если технология будет играть в этом какую-то роль, она будет заключаться не столько в автоматизации работы вплоть до ее полного изживания, сколько в открытии новых сфер творчества. До определенной степени мы можем вернуться к ремеслам, что по мнению Уильяма Морриса было возможным и желательным результатом коммунистической революции. Искусство заберут из рук снобов и коллекционеров, оно перестанет быть специализированной деятельностью, рассчитанной на элитарную аудиторию, а его качества – красота и творчество – снова станут составными частями целостной жизни, из которой они были украдены работой. Мы должны отрезветь при мысли о том, что греческие вазы, о которых мы слагаем оды и которые мы выставяем в музеях,

дям, некоторые из которых действительно будут своего рода «извращенцами». Если технология будет играть в этом какую-то роль, она будет заключаться не столько в автоматизации работы вплоть до ее полного изживания, сколько в открытии новых сфер творчества. До определенной степени мы можем вернуться к ремеслам, что по мнению Уильяма Морриса было возможным и желательным результатом коммунистической революции. Искусство заберут из рук снобов и коллекционеров, оно перестанет быть специализированной деятельностью, рассчитанной на элитарную аудиторию, а его качества – красота и творчество – снова станут составными частями целостной жизни, из которой они были украдены работой. Мы должны отрезветь при мысли о том, что греческие вазы, о которых мы слагаем оды и которые мы выставяем в музеях,

тщетных попытках забыть о ней. Многие люди возвращаются из отпуска настолько разбитыми, что ожидают возвращения на работу, чтобы отдохнуть. Основное различие между работой и досугом состоит в том, что на работе нам, по крайней мере, платят за отчуждение и нервотрепку.

Я не хочу ни с кем играть в игры по поводу определений. Когда я говорю, что хочу упразднить работу, я имею в виду именно то, что говорю, но я хочу сказать, что я имею в виду, определив понятия так, чтобы они по возможности не вызывали побочных реакций. Мое минимальное определение работы – принудительный труд, то есть обязанность производить. Оба элемента существуют. Работа есть производство, к которому принуждают политическими или экономическими средствами, кнутом

тщетных попытках забыть о ней. Многие люди возвращаются из отпуска настолько разбитыми, что ожидают возвращения на работу, чтобы отдохнуть. Основное различие между работой и досугом состоит в том, что на работе нам, по крайней мере, платят за отчуждение и нервотрепку.

Я не хочу ни с кем играть в игры по поводу определений. Когда я говорю, что хочу упразднить работу, я имею в виду именно то, что говорю, но я хочу сказать, что я имею в виду, определив понятия так, чтобы они по возможности не вызывали побочных реакций. Мое минимальное определение работы – принудительный труд, то есть обязанность производить. Оба элемента существуют. Работа есть производство, к которому принуждают политическими или экономическими средствами, кнутом

или пряником. (Пряник здесь – всего лишь разновидность кнута.) Но не всякое творчество есть работа. Работу никогда не делают ради нее самой, ее делают ради того продукта или результата, который работник (или, более вероятно, кто-то другой) получает в результате этого. Это то, чем по необходимости является работа. Дать ей точное определение значит начать презирать ее. Но работа обычно даже ужаснее, чем о том говорит определение. Динамика господства, присущая работе, имеет тенденцию к саморазвитию с течением времени. В развитых, насквозь пронизанных работой обществах, включая все индустриальные общества, как капиталистические, так и «коммунистические», работа неизменно приобретает дополнительные черты, делающие ее еще более неприятной.

или пряником. (Пряник здесь – всего лишь разновидность кнута.) Но не всякое творчество есть работа. Работу никогда не делают ради нее самой, ее делают ради того продукта или результата, который работник (или, более вероятно, кто-то другой) получает в результате этого. Это то, чем по необходимости является работа. Дать ей точное определение значит начать презирать ее. Но работа обычно даже ужаснее, чем о том говорит определение. Динамика господства, присущая работе, имеет тенденцию к саморазвитию с течением времени. В развитых, насквозь пронизанных работой обществах, включая все индустриальные общества, как капиталистические, так и «коммунистические», работа неизменно приобретает дополнительные черты, делающие ее еще более неприятной.

терес к разнообразию. Как говорится, «всего понемножку». Фурье любил рассуждать, как люди со странными или извращенными пристрастиями смогут пригодиться в пост-цивилизированном обществе, которое он называл Гармонией. Он считал, что император Нерон мог бы вырасти нормальным, если бы с детства удовлетворял свою страсть к кровопролитию на скотобойне. Маленьких детей, столь любящих возиться в грязи, можно было бы организовывать в маленькие орды для очистки туалетов и выноса мусора, награждая особо отличившихся. Я отстаиваю не конкретно эти примеры, но принцип, лежащий в их основе, который, на мой взгляд, имеет сделать одним из измерений всеобщего революционного переустройства. Напомню, что мы не должны сохранять работу в том виде, в каком она существует сегодня, и просто перепоручать ее более подходящим лю-

терес к разнообразию. Как говорится, «всего понемножку». Фурье любил рассуждать, как люди со странными или извращенными пристрастиями смогут пригодиться в пост-цивилизированном обществе, которое он называл Гармонией. Он считал, что император Нерон мог бы вырасти нормальным, если бы с детства удовлетворял свою страсть к кровопролитию на скотобойне. Маленьких детей, столь любящих возиться в грязи, можно было бы организовывать в маленькие орды для очистки туалетов и выноса мусора, награждая особо отличившихся. Я отстаиваю не конкретно эти примеры, но принцип, лежащий в их основе, который, на мой взгляд, имеет сделать одним из измерений всеобщего революционного переустройства. Напомню, что мы не должны сохранять работу в том виде, в каком она существует сегодня, и просто перепоручать ее более подходящим лю-

этим заниматься в свободное время, но не тогда, когда они просто должны обеспечивать человеческие тела топливом для работы.

Наконец, - хотя это столь же важно, как и все остальное, - некоторые вещи, которые не приносят удовлетворения если их делать в одиночку, в неприятном окружении или под присмотром начальника, могут приносить удовольствие, хотя бы некоторое время, если эти условия изменятся. Возможно это верно по отношению к любой работе. Люди стремятся использовать свою обычно невостребованную изобретательность, чтобы превратить в игру даже наименее привлекательную изматывающую работу. То, что нравится одним, вовсе не обязательно нравится другим, но у каждого, по крайней мере потенциально, существуют разнообразные интересы и ин-

этим заниматься в свободное время, но не тогда, когда они просто должны обеспечивать человеческие тела топливом для работы.

Наконец, - хотя это столь же важно, как и все остальное, - некоторые вещи, которые не приносят удовлетворения если их делать в одиночку, в неприятном окружении или под присмотром начальника, могут приносить удовольствие, хотя бы некоторое время, если эти условия изменятся. Возможно это верно по отношению к любой работе. Люди стремятся использовать свою обычно невостребованную изобретательность, чтобы превратить в игру даже наименее привлекательную изматывающую работу. То, что нравится одним, вовсе не обязательно нравится другим, но у каждого, по крайней мере потенциально, существуют разнообразные интересы и ин-

Обычно работа означает занятость, наемный труд, то есть продажу себя в кредит - и это еще более верно в «коммунистических», чем в капиталистических странах, где государство является почти единственным нанимателем, и все являются наемными работниками. Так 95% работающих американцев работают на кого-то (или на что-то). В СССР, Югославии или на Кубе или в любой другой альтернативной модели, которая приходит на ум, соответствующая цифра приближается к 100%. Только все еще продолжающие сопротивляться крестьянские бастионы третьего мира – Мексика, Индия, Бразилия, Турция – дают временный приют значительному числу крестьян, поддерживающих традиционный уклад, который был характерен для большинства тружеников на протяжении последних нескольких тысячелетий, - уплату налогов (то есть выкупа)

Обычно работа означает занятость, наемный труд, то есть продажу себя в кредит - и это еще более верно в «коммунистических», чем в капиталистических странах, где государство является почти единственным нанимателем, и все являются наемными работниками. Так 95% работающих американцев работают на кого-то (или на что-то). В СССР, Югославии или на Кубе или в любой другой альтернативной модели, которая приходит на ум, соответствующая цифра приближается к 100%. Только все еще продолжающие сопротивляться крестьянские бастионы третьего мира – Мексика, Индия, Бразилия, Турция – дают временный приют значительному числу крестьян, поддерживающих традиционный уклад, который был характерен для большинства тружеников на протяжении последних нескольких тысячелетий, - уплату налогов (то есть выкупа)

государству или арендной платы паразитам-землевладельцам с тем, чтобы их оставили в покое во всем остальном. Но даже этот малопривлекательный вариант начинает казаться более желательным. Все индустриальные и офисные работники являются наемными работниками, и за ними установлен надзор, обеспечивающий подчинение.

Но современная работа имеет и худшие последствия. Люди не просто трудятся, у них «есть работа» Каждый человек все время выполняет одну и ту же производственную задачу на безальтернативной основе. Даже если выполняемые ими задачи изначально способны вызвать интерес (а большинство современных работ лишено этого), даже тогда монотонность их принудительной исключительности высушивает их лудический потенциал. «Ра-

государству или арендной платы паразитам-землевладельцам с тем, чтобы их оставили в покое во всем остальном. Но даже этот малопривлекательный вариант начинает казаться более желательным. Все индустриальные и офисные работники являются наемными работниками, и за ними установлен надзор, обеспечивающий подчинение.

Но современная работа имеет и худшие последствия. Люди не просто трудятся, у них «есть работа» Каждый человек все время выполняет одну и ту же производственную задачу на безальтернативной основе. Даже если выполняемые ими задачи изначально способны вызвать интерес (а большинство современных работ лишено этого), даже тогда монотонность их принудительной исключительности высушивает их лудический потенциал. «Ра-

лучить продвижение по службе.

Кроме того, есть некоторые вещи, которые люди любят делать время от времени, но не слишком долго и уж, тем более, не постоянно. Вам может нравиться сидеть с детьми на протяжении нескольких часов, просто потому, что вам приятна их компания, но вы не хотите делать это столько же, сколько их родители. Вместе с тем, последние будут вам исключительно благодарны за освободившееся таким образом время, но они будут раздражены, если их разлучить с их отпрысками слишком надолго. Именно эти различия между людьми делают возможной жизнь, основанную на свободной игре. Тот же принцип применим ко многим другим областям деятельности, в особенности к самым необходимым. Так, например, многие люди любят готовить и могут серьезно

лучить продвижение по службе.

Кроме того, есть некоторые вещи, которые люди любят делать время от времени, но не слишком долго и уж, тем более, не постоянно. Вам может нравиться сидеть с детьми на протяжении нескольких часов, просто потому, что вам приятна их компания, но вы не хотите делать это столько же, сколько их родители. Вместе с тем, последние будут вам исключительно благодарны за освободившееся таким образом время, но они будут раздражены, если их разлучить с их отпрысками слишком надолго. Именно эти различия между людьми делают возможной жизнь, основанную на свободной игре. Тот же принцип применим ко многим другим областям деятельности, в особенности к самым необходимым. Так, например, многие люди любят готовить и могут серьезно

мы станем свидетелями Золотого века дилетантов, который посрамит эпоху Возрождения. Больше не будет «работ-профессий», но только то, что нужно сделать, и люди, которые будут этим заниматься.

Секрет превращения работы в игру, как показал Фурье, заключается в организации деятельности таким образом, чтобы использовать все, что разные люди в разное время делают с удовольствием. Для того, чтобы предоставить людям возможность делать то, что им нравится, достаточно искоренить иррациональности и извращения, которые сопровождают эти виды деятельности, когда те становятся работой. Я, например, с радостью мог бы немного преподавать, но мне не нужны ученики по принуждению, и я сам не хочу подлизываться к жалким педантам в надежде по-

мы станем свидетелями Золотого века дилетантов, который посрамит эпоху Возрождения. Больше не будет «работ-профессий», но только то, что нужно сделать, и люди, которые будут этим заниматься.

Секрет превращения работы в игру, как показал Фурье, заключается в организации деятельности таким образом, чтобы использовать все, что разные люди в разное время делают с удовольствием. Для того, чтобы предоставить людям возможность делать то, что им нравится, достаточно искоренить иррациональности и извращения, которые сопровождают эти виды деятельности, когда те становятся работой. Я, например, с радостью мог бы немного преподавать, но мне не нужны ученики по принуждению, и я сам не хочу подлизываться к жалким педантам в надежде по-

бота», которая может выполняться многими людьми на протяжении достаточно ограниченного времени только потому, что она приносит удовольствие, превращается в тяжелое бремя, когда вы должны заниматься ею сорок часов в неделю, не имея права голоса относительно того, как она должна выполняться, делая ее ради прибылей хозяев, которые не вкладывают ничего в процесс достижения результата, не имея возможности делиться с другими своими навыками и привлекать к ее выполнению тех, кто и так ею уже занимается. Это реальный мир работы – мир бюрократической неразберихи, сексуальных домогательств и дискриминации, тупоголовых хозяев, эксплуатирующих и унижающих своих подчиненных, которые, если руководствоваться любыми рационально-техническими критериями, - должны сами осуществлять управление. Но в

бота», которая может выполняться многими людьми на протяжении достаточно ограниченного времени только потому, что она приносит удовольствие, превращается в тяжелое бремя, когда вы должны заниматься ею сорок часов в неделю, не имея права голоса относительно того, как она должна выполняться, делая ее ради прибылей хозяев, которые не вкладывают ничего в процесс достижения результата, не имея возможности делиться с другими своими навыками и привлекать к ее выполнению тех, кто и так ею уже занимается. Это реальный мир работы – мир бюрократической неразберихи, сексуальных домогательств и дискриминации, тупоголовых хозяев, эксплуатирующих и унижающих своих подчиненных, которые, если руководствоваться любыми рационально-техническими критериями, - должны сами осуществлять управление. Но в

реальном мире капитализм подчиняет рациональную максимизацию производительности и прибылей требованиям организационного контроля.

Деградация, которую переживает большинство работников на работе, - это сумма унижений, совокупность которых можно назвать «дисциплиной». Фуко слишком усложняет этот феномен, хотя на самом деле он достаточно прост. Дисциплина представляет собой весь комплекс тоталитарного контроля на рабочем месте – подчинения, заученных движений, навязанного темпа работы, производительности труда, отметок при приходе и уходе и т.д. Дисциплина - это то, что роднит фабрику, офис или магазин с тюрьмой, школой и психиатрической лечебницей. Это нечто ужасное и прежде не встречавшееся в истории. Она достигает того, чего не могли достичь такие демонические диктаторы

остальные. Но если у них есть какие-либо конкретные предложения, более непосредственно отвечающие человеческим потребностям, а не обеспечению работы высокотехнологического оборудования, то выслушаем и их.

Чего мне действительно хочется, так превращения работы в игру. Первый шаг - отказ от понятия «профессиональная деятельность» или «профессия». Даже те виды деятельности, которые обладают некоторым лудическим содержанием, во многом теряют его, превращаясь в работу, выполняемую определенными людьми и только ими, исключая всех других. Не странно ли, что сельскохозяйственные рабочие мучительно работают на полях, в то время как их хозяева из кабинетов с кондиционерами отправляются каждый уик-энд ковыряться в саду? При системе перманентного веселья

реальном мире капитализм подчиняет рациональную максимизацию производительности и прибылей требованиям организационного контроля.

Деградация, которую переживает большинство работников на работе, - это сумма унижений, совокупность которых можно назвать «дисциплиной». Фуко слишком усложняет этот феномен, хотя на самом деле он достаточно прост. Дисциплина представляет собой весь комплекс тоталитарного контроля на рабочем месте – подчинения, заученных движений, навязанного темпа работы, производительности труда, отметок при приходе и уходе и т.д. Дисциплина - это то, что роднит фабрику, офис или магазин с тюрьмой, школой и психиатрической лечебницей. Это нечто ужасное и прежде не встречавшееся в истории. Она достигает того, чего не могли достичь такие демонические диктаторы

остальные. Но если у них есть какие-либо конкретные предложения, более непосредственно отвечающие человеческим потребностям, а не обеспечению работы высокотехнологического оборудования, то выслушаем и их.

Чего мне действительно хочется, так превращения работы в игру. Первый шаг - отказ от понятия «профессиональная деятельность» или «профессия». Даже те виды деятельности, которые обладают некоторым лудическим содержанием, во многом теряют его, превращаясь в работу, выполняемую определенными людьми и только ими, исключая всех других. Не странно ли, что сельскохозяйственные рабочие мучительно работают на полях, в то время как их хозяева из кабинетов с кондиционерами отправляются каждый уик-энд ковыряться в саду? При системе перманентного веселья

развитие индустриализма усилило то, что Гарри Браверман назвал деградацией работы. Разумные наблюдатели всегда отмечали это. Джон Стюарт Милль писал, что все изобретения, экономящие время, какие только были сделаны, ни на минуту не сократили продолжительность рабочего дня. Карл Маркс отмечал, что «можно написать историю изобретений, сделанных начиная с 1830 года, с единственной целью – обеспечить капитал орудиями против восстаний рабочего класса». Технофилы-энтузиасты (Сен-Симон, Конт, Ленин, Скиннер) всегда одновременно были завзятыми авторитариями, иначе говоря – технократами. Мы должны более скептически подходить к обещаниям компьютерных мистиков. Они сами работают как лошади; вполне вероятно, что если все будет так, как они хотят, то же самое будут делать и все

развитие индустриализма усилило то, что Гарри Браверман назвал деградацией работы. Разумные наблюдатели всегда отмечали это. Джон Стюарт Милль писал, что все изобретения, экономящие время, какие только были сделаны, ни на минуту не сократили продолжительность рабочего дня. Карл Маркс отмечал, что «можно написать историю изобретений, сделанных начиная с 1830 года, с единственной целью – обеспечить капитал орудиями против восстаний рабочего класса». Технофилы-энтузиасты (Сен-Симон, Конт, Ленин, Скиннер) всегда одновременно были завзятыми авторитариями, иначе говоря – технократами. Мы должны более скептически подходить к обещаниям компьютерных мистиков. Они сами работают как лошади; вполне вероятно, что если все будет так, как они хотят, то же самое будут делать и все

стародавних времен, как Нерон, Чингисхан и Иван Грозный. Несмотря на все свои дурные намерения, они попросту не обладали теми инструментами контроля за своими подданными, какими обладают современные деспоты. Дисциплина – это исключительно дьявольский современный механизм контроля, это принимающее все новые формы вторжение в нашу жизнь, которое нужно уничтожить при первой возможности.

Такова «работа». Игра – ее прямая противоположность. Игра всегда добровольна. То, что иначе могло бы стать игрой, превращается в работу, если это связано с принуждением. Это аксиома. Берни де Ковен определил игру как «временное откладывание последствий». Такое определение неприемлемо, если подразумевается, что игра не имеет никаких последствий. Суть не в

стародавних времен, как Нерон, Чингисхан и Иван Грозный. Несмотря на все свои дурные намерения, они попросту не обладали теми инструментами контроля за своими подданными, какими обладают современные деспоты. Дисциплина – это исключительно дьявольский современный механизм контроля, это принимающее все новые формы вторжение в нашу жизнь, которое нужно уничтожить при первой возможности.

Такова «работа». Игра – ее прямая противоположность. Игра всегда добровольна. То, что иначе могло бы стать игрой, превращается в работу, если это связано с принуждением. Это аксиома. Берни де Ковен определил игру как «временное откладывание последствий». Такое определение неприемлемо, если подразумевается, что игра не имеет никаких последствий. Суть не в

том, что игра не имеет последствий. Говорить так, значит принижать значение игры. Суть в том, что последствия, если они имеют место, не выражаются в категориях стоимости. Игра и дарение тесно связаны между собой, это поведенческие и транзакционные выражения одного и того же импульса, инстинкта игры. Им обоим свойственно аристократическое презрение к результатам. Играющий что-то получает в процессе игры, поэтому он и играет. Но ключевое вознаграждение – это сам опыт подобной деятельности (в чем бы он ни заключался). Некоторые в остальном добросовестные исследователи игры, такие, как Йоганн Хейзинга (автор книги «Homo Ludens. Человек играющий»), определяют игру как следование правилам. Я уважаю эрудицию Хейзинги, но горячо протестую против вводимых им ограничений. Есть очень много хороших игр (шахматы,

том, что игра не имеет последствий. Говорить так, значит принижать значение игры. Суть в том, что последствия, если они имеют место, не выражаются в категориях стоимости. Игра и дарение тесно связаны между собой, это поведенческие и транзакционные выражения одного и того же импульса, инстинкта игры. Им обоим свойственно аристократическое презрение к результатам. Играющий что-то получает в процессе игры, поэтому он и играет. Но ключевое вознаграждение – это сам опыт подобной деятельности (в чем бы он ни заключался). Некоторые в остальном добросовестные исследователи игры, такие, как Йоганн Хейзинга (автор книги «Homo Ludens. Человек играющий»), определяют игру как следование правилам. Я уважаю эрудицию Хейзинги, но горячо протестую против вводимых им ограничений. Есть очень много хороших игр (шахматы,

мер, с горнодобычей. Они, без сомнения, легко найдут другие области приложения своих способностей. Может быть, они разработают всемирную мультимедийную систему коммуникаций или займутся устройством поселений на других планетах. Может быть. Сам я не фанатик различных технических устройств, я не мечтаю жить в кнопочном раю. Я не хочу, чтобы механические рабы все делали за меня. Я хочу делать все сам. Я думаю, что для технологий, освобождающих время, найдется место, но это будет скромное место. Исторические и доисторические данные в этом отношении не обещают многого. Когда производственная технология перешла от охоты и собирательства к сельскому хозяйству, а затем к промышленности, количество работы увеличилось, в то время как навыки и возможности самоопределения сократились. Дальнейшее

мер, с горнодобычей. Они, без сомнения, легко найдут другие области приложения своих способностей. Может быть, они разработают всемирную мультимедийную систему коммуникаций или займутся устройством поселений на других планетах. Может быть. Сам я не фанатик различных технических устройств, я не мечтаю жить в кнопочном раю. Я не хочу, чтобы механические рабы все делали за меня. Я хочу делать все сам. Я думаю, что для технологий, освобождающих время, найдется место, но это будет скромное место. Исторические и доисторические данные в этом отношении не обещают многого. Когда производственная технология перешла от охоты и собирательства к сельскому хозяйству, а затем к промышленности, количество работы увеличилось, в то время как навыки и возможности самоопределения сократились. Дальнейшее

больше обучающихся целый день, чем работающих на полную ставку. Дети нужны нам в качестве учителей, а не в качестве учеников. Им есть что сказать в ходе лудической революции, потому что они умеют играть гораздо лучше взрослых. Дети и взрослые неодинаковы, но они смогут стать равными через взаимозависимость. Только игра может навести мосты через пропасть между поколениями.

Я еще ничего не сказал о возможности сокращения незначительных остатков работы с помощью автоматизации и кибернетизации. Ученые, инженеры и технологи, освобожденные от проблем военных исследований и разработки техники, рассчитанной на быстрый моральный износ, смогут отдохнуть душой на разработке средств по снижению усталости и опасностей, связанных, напри-

больше обучающихся целый день, чем работающих на полную ставку. Дети нужны нам в качестве учителей, а не в качестве учеников. Им есть что сказать в ходе лудической революции, потому что они умеют играть гораздо лучше взрослых. Дети и взрослые неодинаковы, но они смогут стать равными через взаимозависимость. Только игра может навести мосты через пропасть между поколениями.

Я еще ничего не сказал о возможности сокращения незначительных остатков работы с помощью автоматизации и кибернетизации. Ученые, инженеры и технологи, освобожденные от проблем военных исследований и разработки техники, рассчитанной на быстрый моральный износ, смогут отдохнуть душой на разработке средств по снижению усталости и опасностей, связанных, напри-

бейсбол, «Монополия», бридж), в которых господствуют правила, но в игре как таковой заключено гораздо больше, чем просто игра в игры. Разговор, секс, танец, путешествие – в этих видах деятельности не господствуют правила, но все они, безусловно, являются игрой. С правилами тоже можно играть столь же легко, как и со всем остальным.

Работа - это насмешка над свободой. Официальная пропаганда говорит, что у всех нас есть гражданские права, и мы живем в условиях демократии. Те, кому повезло меньше, несвободны и живут в полицейских государствах. Эти несчастные подчиняются приказам, какими бы деспотичными они ни были. Власти постоянно следят за ними. Государственные бюрократы контролируют мельчайшие детали их повседневной жизни. Чиновники, которые помыкают

бейсбол, «Монополия», бридж), в которых господствуют правила, но в игре как таковой заключено гораздо больше, чем просто игра в игры. Разговор, секс, танец, путешествие – в этих видах деятельности не господствуют правила, но все они, безусловно, являются игрой. С правилами тоже можно играть столь же легко, как и со всем остальным.

Работа - это насмешка над свободой. Официальная пропаганда говорит, что у всех нас есть гражданские права, и мы живем в условиях демократии. Те, кому повезло меньше, несвободны и живут в полицейских государствах. Эти несчастные подчиняются приказам, какими бы деспотичными они ни были. Власти постоянно следят за ними. Государственные бюрократы контролируют мельчайшие детали их повседневной жизни. Чиновники, которые помыкают

ими, ответственны только перед вышестоящими чиновниками. Как бы то ни было, любое проявление несогласия и неподчинения строго наказывается. Подразумевается, что все это очень плохо.

И это действительно так, хотя это и есть ничто иное, как описание современного рабочего места. Либералы, консерваторы и либертарианцы, осуждающие тоталитаризм, сами являются обманщиками и лицемерами. При любой относительно десталинизированной диктатуре гораздо больше свободы, чем на обычном рабочем месте в Америке. В офисе или на фабрике мы находим ту же иерархию и дисциплину, что в тюрьме или монастыре. На самом деле, как показал Фуко и другие исследователи, тюрьмы и фабрики появились примерно в одно время, а их управляющие сознательно заимствовали друг у друга техно-

ими, ответственны только перед вышестоящими чиновниками. Как бы то ни было, любое проявление несогласия и неподчинения строго наказывается. Подразумевается, что все это очень плохо.

И это действительно так, хотя это и есть ничто иное, как описание современного рабочего места. Либералы, консерваторы и либертарианцы, осуждающие тоталитаризм, сами являются обманщиками и лицемерами. При любой относительно десталинизированной диктатуре гораздо больше свободы, чем на обычном рабочем месте в Америке. В офисе или на фабрике мы находим ту же иерархию и дисциплину, что в тюрьме или монастыре. На самом деле, как показал Фуко и другие исследователи, тюрьмы и фабрики появились примерно в одно время, а их управляющие сознательно заимствовали друг у друга техно-

но, чтобы мужчина приносил в дом пищу, а женщина выполняла грязную работу, чтобы обеспечить ему убежище в этом бессердечном мире. Точно так же экономически рационально было, чтобы дети маршировали в молодежные концлагеря, называемые «школами», чтобы снять их с материнской шеи и в то же время держать их под контролем и прививать им привычку к подчинению и пунктуальность, столь необходимые для работников. Если бы мы избавились от патриархата, мы одновременно избавились бы и от нуклеарной семьи, чья «теневая работа», как говорит Айван Иллич, делает возможным существование системы работы в целом, что в свою очередь делает необходимым существование семьи. Тесно связаны с этой «антинуклеарной» стратегией упразднение детства и закрытие школ. В нашей системе образования гораздо

но, чтобы мужчина приносил в дом пищу, а женщина выполняла грязную работу, чтобы обеспечить ему убежище в этом бессердечном мире. Точно так же экономически рационально было, чтобы дети маршировали в молодежные концлагеря, называемые «школами», чтобы снять их с материнской шеи и в то же время держать их под контролем и прививать им привычку к подчинению и пунктуальность, столь необходимые для работников. Если бы мы избавились от патриархата, мы одновременно избавились бы и от нуклеарной семьи, чья «теневая работа», как говорит Айван Иллич, делает возможным существование системы работы в целом, что в свою очередь делает необходимым существование семьи. Тесно связаны с этой «антинуклеарной» стратегией упразднение детства и закрытие школ. В нашей системе образования гораздо

разрешили проблему энергетического кризиса, экологического кризиса и другие неразрешимые социальные проблемы.

Наконец, мы должны покончить с наиболее распространенной деятельностью, отнимающей большее количество времени, самой низкооплачиваемой и одновременно одной из наиболее утомительных. Я имею в виду работу домохозяек, занятых домашними делами и воспитанием детей. Уничтожив наемный труд и достигнув полной безработицы, мы подорвем разделение труда по половому принципу. Нуклеарная семья в том виде, в каком мы ее знаем, - это неизбежное приспособление к разделению труда, навязываемому современным наемным трудом. Нравится вам это или нет, но на протяжении последних 100-200 лет было экономически рациональ-

разрешили проблему энергетического кризиса, экологического кризиса и другие неразрешимые социальные проблемы.

Наконец, мы должны покончить с наиболее распространенной деятельностью, отнимающей большее количество времени, самой низкооплачиваемой и одновременно одной из наиболее утомительных. Я имею в виду работу домохозяек, занятых домашними делами и воспитанием детей. Уничтожив наемный труд и достигнув полной безработицы, мы подорвем разделение труда по половому принципу. Нуклеарная семья в том виде, в каком мы ее знаем, - это неизбежное приспособление к разделению труда, навязываемому современным наемным трудом. Нравится вам это или нет, но на протяжении последних 100-200 лет было экономически рациональ-

логии контроля. Работник – это временный раб. Хозяин говорит, когда ему приходить и уходить, а также что делать в промежутке между этим. Он говорит ему, сколько работать и с какой скоростью. Он может доводить свой контроль над ним до унижительных крайностей, регулируя, если ему того хочется, то, какую одежду носит работник и как часто он может ходить в туалет. За редкими исключениями, он может уволить вас по любой причине или вовсе без причины. Он заставляет других следить за вами и постоянно пополняет досье на своих работников. Попытки возражать клеймятся как «непослушание», как будто работник это непослушный ребенок, и это не только может привести к увольнению, но также к лишению выходного пособия. Отнюдь не оправдывая этого по отношению к детям, отмечу, что дома и в школе они сталкиваются с аналогичным отно-

логии контроля. Работник – это временный раб. Хозяин говорит, когда ему приходить и уходить, а также что делать в промежутке между этим. Он говорит ему, сколько работать и с какой скоростью. Он может доводить свой контроль над ним до унижительных крайностей, регулируя, если ему того хочется, то, какую одежду носит работник и как часто он может ходить в туалет. За редкими исключениями, он может уволить вас по любой причине или вовсе без причины. Он заставляет других следить за вами и постоянно пополняет досье на своих работников. Попытки возражать клеймятся как «непослушание», как будто работник это непослушный ребенок, и это не только может привести к увольнению, но также к лишению выходного пособия. Отнюдь не оправдывая этого по отношению к детям, отмечу, что дома и в школе они сталкиваются с аналогичным отно-

шением, которое в этом случае объясняется их незрелостью. Что же можно сказать об их работающих родителях и учителях?

Унизительная система господства, которую я описал, подчиняет себе большую часть периода бодрствования большинства женщин и огромного большинства мужчин на протяжении десятилетий, на протяжении почти всей их жизни. Для определенных целей вполне оправданно называть нашу систему демократией или капитализмом, а еще лучше индустриализмом, но подлинное имя ей – фабричный фашизм и офисная олигархия. Всякий, кто утверждает, что эти люди свободны, либо лжец, либо тупица. Вы – это то, что вы делаете. Если вы заняты скучной, тупой, монотонной работой, вполне вероятно, что вы в результате превратитесь в скучного, тупо-

шением, которое в этом случае объясняется их незрелостью. Что же можно сказать об их работающих родителях и учителях?

Унизительная система господства, которую я описал, подчиняет себе большую часть периода бодрствования большинства женщин и огромного большинства мужчин на протяжении десятилетий, на протяжении почти всей их жизни. Для определенных целей вполне оправданно называть нашу систему демократией или капитализмом, а еще лучше индустриализмом, но подлинное имя ей – фабричный фашизм и офисная олигархия. Всякий, кто утверждает, что эти люди свободны, либо лжец, либо тупица. Вы – это то, что вы делаете. Если вы заняты скучной, тупой, монотонной работой, вполне вероятно, что вы в результате превратитесь в скучного, тупо-

работу чуть раньше. Им нужно ваше время, столько времени, чтобы сделать вас собственностью, даже если им нет в этом никакого прока. Иначе почему средняя рабочая неделя не сократилась хотя бы на несколько минут за последние 50 лет?

Теперь мы должны подступиться с большим разделочным ножом к самому производительному труду. Больше никакого военного производства, атомной энергетики, фаст фуда, женских гигиенических дезодорантов – и прежде всего никакого автомобильного абсурда. Случайно сохранившиеся старые модели автомобилей могут пригодиться, но об автомобильном эротизме, на котором держатся такие вредоносные гнезда, как Детройт и Лос-Анджелес, не может быть и речи. Таким образом, почти не прикладывая никаких усилий, мы фактически

работу чуть раньше. Им нужно ваше время, столько времени, чтобы сделать вас собственностью, даже если им нет в этом никакого прока. Иначе почему средняя рабочая неделя не сократилась хотя бы на несколько минут за последние 50 лет?

Теперь мы должны подступиться с большим разделочным ножом к самому производительному труду. Больше никакого военного производства, атомной энергетики, фаст фуда, женских гигиенических дезодорантов – и прежде всего никакого автомобильного абсурда. Случайно сохранившиеся старые модели автомобилей могут пригодиться, но об автомобильном эротизме, на котором держатся такие вредоносные гнезда, как Детройт и Лос-Анджелес, не может быть и речи. Таким образом, почти не прикладывая никаких усилий, мы фактически

40 процентов рабочей силы составляют «белые воротнички», большинство из которых заняты на самых утомительных и идиотских работах, какие только можно придумать. Целые отрасли, например, банковское дело, страхование, недвижимость, состоят из бесполезного перекладывания бумаг. Неслучайно, что «третичный сектор» (сектор услуг) растет, в то время как «вторичный сектор» (промышленность) находится в состоянии застоя, а «первичный сектор» (сельское хозяйство) почти исчезает. Из-за того, что работа не нужна никому, кроме тех, чью власть она обеспечивает, рабочих перемещают от относительно полезных к относительно бесполезным занятиям в качестве меры по обеспечению общественного порядка. Что-то все-таки лучше, чем ничего. Именно поэтому вы не можете пойти домой просто потому, что закончили

40 процентов рабочей силы составляют «белые воротнички», большинство из которых заняты на самых утомительных и идиотских работах, какие только можно придумать. Целые отрасли, например, банковское дело, страхование, недвижимость, состоят из бесполезного перекладывания бумаг. Неслучайно, что «третичный сектор» (сектор услуг) растет, в то время как «вторичный сектор» (промышленность) находится в состоянии застоя, а «первичный сектор» (сельское хозяйство) почти исчезает. Из-за того, что работа не нужна никому, кроме тех, чью власть она обеспечивает, рабочих перемещают от относительно полезных к относительно бесполезным занятиям в качестве меры по обеспечению общественного порядка. Что-то все-таки лучше, чем ничего. Именно поэтому вы не можете пойти домой просто потому, что закончили

го, монотонного человека. Работа гораздо лучше объясняет прогрессирующую кретинизацию окружающих нас людей, чем такие значимые механизмы оболванивания, как телевидение или образование. Люди, поведение которых регламентируется на протяжении всей их жизни, которые попадают из школы на работу и ограничиваются семьей в начале жизни и домом престарелых в конце, приучаются к иерархии и психологически поработаются. Их способность к личной автономии настолько атрофируется, что их страх перед свободой относится к немногим рационально-обоснованным фобиям. Приучение к подчинению, которое происходит на работе, переносится ими в семью, которую они создают сами, и которая воспроизводит систему не в каком-то одном, а сразу во многих отношениях. То же самое происходит в

го, монотонного человека. Работа гораздо лучше объясняет прогрессирующую кретинизацию окружающих нас людей, чем такие значимые механизмы оболванивания, как телевидение или образование. Люди, поведение которых регламентируется на протяжении всей их жизни, которые попадают из школы на работу и ограничиваются семьей в начале жизни и домом престарелых в конце, приучаются к иерархии и психологически поработаются. Их способность к личной автономии настолько атрофируется, что их страх перед свободой относится к немногим рационально-обоснованным фобиям. Приучение к подчинению, которое происходит на работе, переносится ими в семью, которую они создают сами, и которая воспроизводит систему не в каком-то одном, а сразу во многих отношениях. То же самое происходит в

политике, культуре и других сферах. После того, как из людей на работе выжимают все жизненные соки, они с большей вероятностью подчиняются иерархии и авторитету во всем остальном. Они привыкают к этому.

Мы настолько близко находимся к миру работы, что не замечаем, что он с нами делает. Нам остается надеяться на внешних наблюдателей, живших в другие эпохи и принадлежавших к другим культурам, чтобы до конца понять крайности и патологии нашего нынешнего положения. В нашем собственном прошлом были времена, когда «трудовая этика» была просто непонятна, и возможно, Вебер был прав, связав ее возникновение с религией (кальвинизмом), которая, возникни она сегодня, а не четыре столетия назад, была бы незамедлительно и с полным основанием

политике, культуре и других сферах. После того, как из людей на работе выжимают все жизненные соки, они с большей вероятностью подчиняются иерархии и авторитету во всем остальном. Они привыкают к этому.

Мы настолько близко находимся к миру работы, что не замечаем, что он с нами делает. Нам остается надеяться на внешних наблюдателей, живших в другие эпохи и принадлежавших к другим культурам, чтобы до конца понять крайности и патологии нашего нынешнего положения. В нашем собственном прошлом были времена, когда «трудовая этика» была просто непонятна, и возможно, Вебер был прав, связав ее возникновение с религией (кальвинизмом), которая, возникни она сегодня, а не четыре столетия назад, была бы незамедлительно и с полным основанием

ты, - а, если это точная цифра, то она еще ниже сейчас, - обеспечивают наши минимальные потребности в пище, одежде и крове. Их оценка была лишь догадкой образованных людей, но основное содержание этого достаточно просто понять: прямо или косвенно большая часть работы служит непроизводительным целям коммерции или социального контроля. Мы сразу сможем высвободить десятки миллионов продавцов, солдат, управляющих, полицейских, брокеров, священников, банкиров, юристов, учителей, домовладельцев, охранников, рекламных агентов и всех, кто работает на них. Это похоже на эффект снежного кома, поскольку всякий раз, когда мы делаем безработным кого-либо из больших шישек, мы одновременно освобождаем также его лакеев и подчиненных. Таким образом, экономика «схлопывается».

ты, - а, если это точная цифра, то она еще ниже сейчас, - обеспечивают наши минимальные потребности в пище, одежде и крове. Их оценка была лишь догадкой образованных людей, но основное содержание этого достаточно просто понять: прямо или косвенно большая часть работы служит непроизводительным целям коммерции или социального контроля. Мы сразу сможем высвободить десятки миллионов продавцов, солдат, управляющих, полицейских, брокеров, священников, банкиров, юристов, учителей, домовладельцев, охранников, рекламных агентов и всех, кто работает на них. Это похоже на эффект снежного кома, поскольку всякий раз, когда мы делаем безработным кого-либо из больших шישек, мы одновременно освобождаем также его лакеев и подчиненных. Таким образом, экономика «схлопывается».

работу и трансформировать ее в приятную разновидность времяпрепровождения, состоящую из игры или ремесла, и к тому же приносящую полезные результаты. Конечно, это не сделает ее менее соблазнительной. Тогда все искусственные барьеры власти и собственности будут разрушены, творчество станет отдыхом, и мы сможем перестать бояться друг друга.

Я не предлагаю подобным образом спасти большую часть работы. Но опять-таки, большую часть работы и не стоит спасать. Только небольшая и все сокращающаяся часть работы служит каким-либо полезным целям, не относящимся к защите и воспроизведению системы работы и ее политически и юридических придатков. Двадцать лет назад братья Пол и Персиваль Гудман оценили, что только 5 процентов выполняемой рабо-

работу и трансформировать ее в приятную разновидность времяпрепровождения, состоящую из игры или ремесла, и к тому же приносящую полезные результаты. Конечно, это не сделает ее менее соблазнительной. Тогда все искусственные барьеры власти и собственности будут разрушены, творчество станет отдыхом, и мы сможем перестать бояться друг друга.

Я не предлагаю подобным образом спасти большую часть работы. Но опять-таки, большую часть работы и не стоит спасать. Только небольшая и все сокращающаяся часть работы служит каким-либо полезным целям, не относящимся к защите и воспроизведению системы работы и ее политически и юридических придатков. Двадцать лет назад братья Пол и Персиваль Гудман оценили, что только 5 процентов выполняемой рабо-

признана тоталитарным культом. Как бы там ни было, мы можем опираться на мудрость древних, чтобы рассмотреть работу в перспективе. Древние видели в работе то, чем она на самом деле является, и их видение было широко распространено, несмотря на кальвинистских чудачков, вплоть до того момента, когда его разрушил индустриализм, - и даже пророки индустриализма иногда поддерживали его.

Давайте представим на секунду, что работа не превращает людей в сведенных на нет подчиненных. Давайте представим, что бросая вызов всякой правдоподобной психологии и идеологии ее пропагандистов, она не оказывает влияния на становление характера. Давайте, наконец, представим, что работа не является скучной, утомительной и унижительной, какой, как все мы знаем,

признана тоталитарным культом. Как бы там ни было, мы можем опираться на мудрость древних, чтобы рассмотреть работу в перспективе. Древние видели в работе то, чем она на самом деле является, и их видение было широко распространено, несмотря на кальвинистских чудачков, вплоть до того момента, когда его разрушил индустриализм, - и даже пророки индустриализма иногда поддерживали его.

Давайте представим на секунду, что работа не превращает людей в сведенных на нет подчиненных. Давайте представим, что бросая вызов всякой правдоподобной психологии и идеологии ее пропагандистов, она не оказывает влияния на становление характера. Давайте, наконец, представим, что работа не является скучной, утомительной и унижительной, какой, как все мы знаем,

она на самом деле является. Даже и тогда работа будет насмешкой над всеми гуманистическими и демократическими устремлениями, просто потому, что она отнимает у нас столько времени. Сократ говорил, что из людей, занятых физическим трудом, выходят плохие друзья и плохие граждане, потому что у них нет времени выполнять свои дружеские и гражданские обязанности. И он был прав. Из-за работы, что бы мы ни делали, мы постоянно смотрим на часы. Единственное, что есть «свободного» в свободном времени, это то, что хозяева свободны от необходимости оплачивать его. Свободное время в основном посвящено подготовке к работе, поездке на работу, возвращению с нее и отдыху от нее. Свободное время - это эвфемизм, означающий странное явление, когда рабочая сила, как производственный фактор, не только доставляет себя за

она на самом деле является. Даже и тогда работа будет насмешкой над всеми гуманистическими и демократическими устремлениями, просто потому, что она отнимает у нас столько времени. Сократ говорил, что из людей, занятых физическим трудом, выходят плохие друзья и плохие граждане, потому что у них нет времени выполнять свои дружеские и гражданские обязанности. И он был прав. Из-за работы, что бы мы ни делали, мы постоянно смотрим на часы. Единственное, что есть «свободного» в свободном времени, это то, что хозяева свободны от необходимости оплачивать его. Свободное время в основном посвящено подготовке к работе, поездке на работу, возвращению с нее и отдыху от нее. Свободное время - это эвфемизм, означающий странное явление, когда рабочая сила, как производственный фактор, не только доставляет себя за

ние работы. И все же, наиболее распространенное чувство, как среди хозяев и их агентов, так и среди самих рабочих, заключается в том, что работа сама по себе неизбежна и необходима.

Я не согласен. Сегодня возможно упразднить работу и заменить ее, в том смысле, в каком она добивается полезных целей, набором новых видов свободной деятельности. Для упразднения работы необходимо подойти к ней с двух сторон, количественной и качественной. С одной стороны, со стороны количества, мы должны значительно сократить объем выполняемой работы. В настоящее время большая часть работы бесполезна или еще хуже – вредна, и мы должно попросту избавиться от нее. С другой стороны, - и я считаю это сутью дела и новой революционной отправной точкой, - мы должны взять всю полезную

ние работы. И все же, наиболее распространенное чувство, как среди хозяев и их агентов, так и среди самих рабочих, заключается в том, что работа сама по себе неизбежна и необходима.

Я не согласен. Сегодня возможно упразднить работу и заменить ее, в том смысле, в каком она добивается полезных целей, набором новых видов свободной деятельности. Для упразднения работы необходимо подойти к ней с двух сторон, количественной и качественной. С одной стороны, со стороны количества, мы должны значительно сократить объем выполняемой работы. В настоящее время большая часть работы бесполезна или еще хуже – вредна, и мы должно попросту избавиться от нее. С другой стороны, - и я считаю это сутью дела и новой революционной отправной точкой, - мы должны взять всю полезную

Государственный контроль над экономикой не решает проблемы. Что-что, а работа в государственно-социалистических странах более опасна, чем здесь. С другой стороны, столь модное сегодня дерегулирование экономики не улучшит, а, может быть, ухудшит ситуацию. С точки зрения здоровья и безопасности, последствия работы были еще хуже, когда экономика в большей степени напоминала *laissez-faire*.

То, что я говорил до сих пор, не должно было вызывать протестов. Многие рабочие по горло сыты работой. Статистика абсентизма (прогулов), текучести кадров, воровства с работы, саботажа, диких забастовок и общего ничегонеделания на работе достаточно высока и продолжает расти. Может быть, возникнет движение за сознательное, а не только инстинктивное отрица-

Государственный контроль над экономикой не решает проблемы. Что-что, а работа в государственно-социалистических странах более опасна, чем здесь. С другой стороны, столь модное сегодня дерегулирование экономики не улучшит, а, может быть, ухудшит ситуацию. С точки зрения здоровья и безопасности, последствия работы были еще хуже, когда экономика в большей степени напоминала *laissez-faire*.

То, что я говорил до сих пор, не должно было вызывать протестов. Многие рабочие по горло сыты работой. Статистика абсентизма (прогулов), текучести кадров, воровства с работы, саботажа, диких забастовок и общего ничегонеделания на работе достаточно высока и продолжает расти. Может быть, возникнет движение за сознательное, а не только инстинктивное отрица-

свой счет на рабочее место, но и берет на себя основную ответственность за ремонт и поддержание себя в надлежащем состоянии. Уголь и сталь этим не занимаются, так же как печатные машинки и токарные станки. Но работники поступают именно так. Неудивительно, что герой Эдварда Робинсона в одном из гангстерских фильмов заявлял: «Работа — это для дураков!»

Платон и Ксенофонт приписывают Сократу и, очевидно, разделяют с ним осознание разрушительного влияния, которое работа оказывает на работника как гражданина и человека. Геродот считал презрение к работе одной из черт классической греческой культуры в период ее расцвета. Возьмем лишь один пример из Древнего Рима: Цицерон говорил, что «всякий, кто отдает свой труд за деньги, продает себя и тем са-

свой счет на рабочее место, но и берет на себя основную ответственность за ремонт и поддержание себя в надлежащем состоянии. Уголь и сталь этим не занимаются, так же как печатные машинки и токарные станки. Но работники поступают именно так. Неудивительно, что герой Эдварда Робинсона в одном из гангстерских фильмов заявлял: «Работа — это для дураков!»

Платон и Ксенофонт приписывают Сократу и, очевидно, разделяют с ним осознание разрушительного влияния, которое работа оказывает на работника как гражданина и человека. Геродот считал презрение к работе одной из черт классической греческой культуры в период ее расцвета. Возьмем лишь один пример из Древнего Рима: Цицерон говорил, что «всякий, кто отдает свой труд за деньги, продает себя и тем са-

мым причисляет себя к разряду рабов». Его искренность крайне редка сейчас, но современные нам первобытные общества, на которые мы по обыкновению смотрим свысока, просветили западных антропологов. Пospосил пишет о племени капауку из Западного Ириана, члены которого имеют представление о сбалансированной жизни и потому работают через день, посвящая день отдыха «восстановлению потерянных сил и здоровья». Наши предки даже в конце XVIII века, когда они уже прошли значительную часть пути по направлению к нашим сегодняшним серьезным затруднениям, по крайней мере осознавали то, что забыли мы, - оборотную сторону индустриализации. Их религиозная преданность «святому понедельнику», то есть фактически установление пятидневной рабочей недели за полтора-два столетия до ее законного освящения, - приводила в

мым причисляет себя к разряду рабов». Его искренность крайне редка сейчас, но современные нам первобытные общества, на которые мы по обыкновению смотрим свысока, просветили западных антропологов. Пospосил пишет о племени капауку из Западного Ириана, члены которого имеют представление о сбалансированной жизни и потому работают через день, посвящая день отдыха «восстановлению потерянных сил и здоровья». Наши предки даже в конце XVIII века, когда они уже прошли значительную часть пути по направлению к нашим сегодняшним серьезным затруднениям, по крайней мере осознавали то, что забыли мы, - оборотную сторону индустриализации. Их религиозная преданность «святому понедельнику», то есть фактически установление пятидневной рабочей недели за полтора-два столетия до ее законного освящения, - приводила в

промышленного загрязнения и вызываемого работой алкоголизма и пристрастия к наркотикам. Как рак, так и сердечные заболевания являются современными болезнями, следы которых обычно прямо или косвенно ведут к работе.

Таким образом, работа – это институционализированное убийство, как образ жизни. Люди думают, что камбоджийцы сошли с ума, уничтожая друг друга, но чем мы отличаемся от них? У режима Пол Пота, по крайней мере, был идеал, пусть сомнительный, общества равных. Мы же убиваем людей миллионами (по крайней мере), чтобы продать выжившим биг-маки и кэдиллаки. Наши 40-50 тысяч человек ежегодно погибающих на дорогах это жертвы, а не святые мученики. Они умерли ни за что, вернее они умерли ради работы. Но работа не стоит того, чтобы ради нее умирать. (...)

промышленного загрязнения и вызываемого работой алкоголизма и пристрастия к наркотикам. Как рак, так и сердечные заболевания являются современными болезнями, следы которых обычно прямо или косвенно ведут к работе.

Таким образом, работа – это институционализированное убийство, как образ жизни. Люди думают, что камбоджийцы сошли с ума, уничтожая друг друга, но чем мы отличаемся от них? У режима Пол Пота, по крайней мере, был идеал, пусть сомнительный, общества равных. Мы же убиваем людей миллионами (по крайней мере), чтобы продать выжившим биг-маки и кэдиллаки. Наши 40-50 тысяч человек ежегодно погибающих на дорогах это жертвы, а не святые мученики. Они умерли ни за что, вернее они умерли ради работы. Но работа не стоит того, чтобы ради нее умирать. (...)

ной деятельностью, которую нельзя ставить под сомнение. Чего не показывает статистика, так это того, что жизни десятков миллионов людей сокращаются из-за работы, - а, в конце концов, ведь это и есть убийство. Подумайте о докторах, которые умирают в 50 лет. Подумайте обо всех остальных работоголиках.

Даже если вас не убьет и не покалечит на работе, это вполне может случиться, когда вы едете на работу, возвращаетесь с работы, ищете работу или пытаетесь о ней забыть. Огромное большинство жертв дорожно-транспортных происшествий либо сами занимались каким-либо из перечисленных действий, либо стали жертвами тех, кто этим занимался. К этому все увеличивающемуся количеству трупов должны быть прибавлены жертвы автомобильно-

ной деятельностью, которую нельзя ставить под сомнение. Чего не показывает статистика, так это того, что жизни десятков миллионов людей сокращаются из-за работы, - а, в конце концов, ведь это и есть убийство. Подумайте о докторах, которые умирают в 50 лет. Подумайте обо всех остальных работоголиках.

Даже если вас не убьет и не покалечит на работе, это вполне может случиться, когда вы едете на работу, возвращаетесь с работы, ищете работу или пытаетесь о ней забыть. Огромное большинство жертв дорожно-транспортных происшествий либо сами занимались каким-либо из перечисленных действий, либо стали жертвами тех, кто этим занимался. К этому все увеличивающемуся количеству трупов должны быть прибавлены жертвы автомобильно-

отчаяние тогдашних владельцев фабрик. Потребовалось много времени, чтобы подчинить наших предков тирании приводного ремня станка, древней разновидности хронометра. На самом деле потребовалось одно или два поколения, чтобы заменить мужчин женщинами и детьми, которые уже были приучены к подчинению и которых можно было формировать в соответствии с нуждами промышленности. Даже эксплуатируемые крестьяне при старом режиме сумели отстоять значительную часть времени в борьбе с работой на своих хозяев. Лафарг пишет, что у французских крестьян четверть календарных дней была занята воскресеньями и праздниками, а Чаянов приводит цифры для деревни в царской России, - которая вряд ли была прогрессивным обществом, - и показывает, что от одной пятой до одной четверти дней в году у крестьян было посвящено отдыху.

отчаяние тогдашних владельцев фабрик. Потребовалось много времени, чтобы подчинить наших предков тирании приводного ремня станка, древней разновидности хронометра. На самом деле потребовалось одно или два поколения, чтобы заменить мужчин женщинами и детьми, которые уже были приучены к подчинению и которых можно было формировать в соответствии с нуждами промышленности. Даже эксплуатируемые крестьяне при старом режиме сумели отстоять значительную часть времени в борьбе с работой на своих хозяев. Лафарг пишет, что у французских крестьян четверть календарных дней была занята воскресеньями и праздниками, а Чаянов приводит цифры для деревни в царской России, - которая вряд ли была прогрессивным обществом, - и показывает, что от одной пятой до одной четверти дней в году у крестьян было посвящено отдыху.

В своей гонке за высокой производительностью труда мы, очевидно, далеко отстали от «отсталых» обществ. Эксплуатируемые русские мужики удивились бы, зачем кто-то из нас вообще работает? Нам тоже стоило бы удивиться.

Однако, чтобы понять глубину нашего вырождения, посмотрим на ранние условия существования человечества без государства и собственности, когда люди бродили по Земле как охотники и собиратели. Гоббс предположил, что эта жизнь была дикой, неприятной и короткой. Другие предполагали, что эта жизнь была отчаянной непрекращающейся борьбой за выживание, войной против жестокой природы, в которой смерть и стихийные бедствия ожидали всех, кому не везло и кто был не способен принять вызов борьбы за существование. На самом деле эта картина была

В своей гонке за высокой производительностью труда мы, очевидно, далеко отстали от «отсталых» обществ. Эксплуатируемые русские мужики удивились бы, зачем кто-то из нас вообще работает? Нам тоже стоило бы удивиться.

Однако, чтобы понять глубину нашего вырождения, посмотрим на ранние условия существования человечества без государства и собственности, когда люди бродили по Земле как охотники и собиратели. Гоббс предположил, что эта жизнь была дикой, неприятной и короткой. Другие предполагали, что эта жизнь была отчаянной непрекращающейся борьбой за выживание, войной против жестокой природы, в которой смерть и стихийные бедствия ожидали всех, кому не везло и кто был не способен принять вызов борьбы за существование. На самом деле эта картина была

травмы разной степени тяжести. И эти цифры основаны на очень консервативной оценке того, что считается травмой на рабочем месте. Например, они не принимают во внимание около полумиллиона случаев профессиональных заболеваний в год. Мне довелось просматривать медицинский справочник по профессиональным заболеваниям, который занимает 1200 страниц. Но даже это – лишь вершина айсберга. Имеющаяся статистика говорит о случаях вроде 100 тысяч шахтеров, у которых черные легкие, и 4 тысячи из которых ежегодно погибают, – это гораздо более высокий уровень смертности, чем от СПИДа, о котором так много говорят в средствах массовой информации. Подразумевается, что СПИД затрагивает в основном «извращенцев», которые могут контролировать свою похоть, в то время как угледобыча является священ-

травмы разной степени тяжести. И эти цифры основаны на очень консервативной оценке того, что считается травмой на рабочем месте. Например, они не принимают во внимание около полумиллиона случаев профессиональных заболеваний в год. Мне довелось просматривать медицинский справочник по профессиональным заболеваниям, который занимает 1200 страниц. Но даже это – лишь вершина айсберга. Имеющаяся статистика говорит о случаях вроде 100 тысяч шахтеров, у которых черные легкие, и 4 тысячи из которых ежегодно погибают, – это гораздо более высокий уровень смертности, чем от СПИДа, о котором так много говорят в средствах массовой информации. Подразумевается, что СПИД затрагивает в основном «извращенцев», которые могут контролировать свою похоть, в то время как угледобыча является священ-

ных экономистов – Милтона Фридмана, Мюррея Ротбарда, Ричарда Познера (потому что если выражаться в понятных им терминах, как говорили в фильме «Стар Трек» «это невозможно вычислить»).

Если эти аргументы, навеянные любовью к свободе, не убеждают гуманистов утилитарного или даже патерналистского толка, есть другие, которые они не смогут игнорировать. Работа опасна для здоровья (так даже называлась одна книга). На самом деле работа – это массовое убийство, геноцид. Прямо или косвенно, работа убьет большинство людей, читающих эти строки. В нашей стране (США – прим. перев.) на работе ежегодно погибает от 14 до 25 тысяч человек. Около 2 миллионов становятся инвалидами. Каждый год от 20 до 25 миллионов человек получают

ных экономистов – Милтона Фридмана, Мюррея Ротбарда, Ричарда Познера (потому что если выражаться в понятных им терминах, как говорили в фильме «Стар Трек» «это невозможно вычислить»).

Если эти аргументы, навеянные любовью к свободе, не убеждают гуманистов утилитарного или даже патерналистского толка, есть другие, которые они не смогут игнорировать. Работа опасна для здоровья (так даже называлась одна книга). На самом деле работа – это массовое убийство, геноцид. Прямо или косвенно, работа убьет большинство людей, читающих эти строки. В нашей стране (США – прим. перев.) на работе ежегодно погибает от 14 до 25 тысяч человек. Около 2 миллионов становятся инвалидами. Каждый год от 20 до 25 миллионов человек получают

проекцией страха перед крушением правительственной власти, стоявшей над общинами, которые не привыкли обходиться без нее, как, например, в современной Гоббсу Англии периода гражданской войны. Соотечественники Гоббса столкнулись с альтернативными формами общества, которые демонстрировали другой образ жизни, - особенно в Северной Америке, - но эта жизнь была слишком далека от их собственного опыта и потому непонятна. (Низшие классы [в Северной Америке], приближенные к условиям жизни индейцев, понимали это лучше и считали их более привлекательными. На протяжении всего XVII века английские поселенцы уходили в индейские племена или, будучи захваченными в плен, отказывались возвращаться. Но индейцы переходили в белые поселения не больше, чем немцы бежали с Запада на Восток через Бер-

проекцией страха перед крушением правительственной власти, стоявшей над общинами, которые не привыкли обходиться без нее, как, например, в современной Гоббсу Англии периода гражданской войны. Соотечественники Гоббса столкнулись с альтернативными формами общества, которые демонстрировали другой образ жизни, - особенно в Северной Америке, - но эта жизнь была слишком далека от их собственного опыта и потому непонятна. (Низшие классы [в Северной Америке], приближенные к условиям жизни индейцев, понимали это лучше и считали их более привлекательными. На протяжении всего XVII века английские поселенцы уходили в индейские племена или, будучи захваченными в плен, отказывались возвращаться. Но индейцы переходили в белые поселения не больше, чем немцы бежали с Запада на Восток через Бер-

линскую стену.) Как показал анархист Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции», версия дарвинизма, говорившая о «выживании сильнейших» - версия Томаса Хаксли (Гексли) – более подходит для описания условий викторианской Англии, чем естественного отбора. Как и многие другие социальные и политические теории, история, рассказанная Гоббсом и его последователями, была на самом деле непризнанной автобиографией.

Антрополог Маршал Салинс, изучая данные о современных нам обществах охотников и собирателей, исследовал гоббсовский миф в статье «Изначальное общество достатка». Представители этих обществ работают гораздо меньше, чем мы, и их работу трудно отличить от того, что мы считаем игрой. Салинс пишет, что «охотники и собиратели работа-

линскую стену.) Как показал анархист Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции», версия дарвинизма, говорившая о «выживании сильнейших» - версия Томаса Хаксли (Гексли) – более подходит для описания условий викторианской Англии, чем естественного отбора. Как и многие другие социальные и политические теории, история, рассказанная Гоббсом и его последователями, была на самом деле непризнанной автобиографией.

Антрополог Маршал Салинс, изучая данные о современных нам обществах охотников и собирателей, исследовал гоббсовский миф в статье «Изначальное общество достатка». Представители этих обществ работают гораздо меньше, чем мы, и их работу трудно отличить от того, что мы считаем игрой. Салинс пишет, что «охотники и собиратели работа-

ния нескольких несложных операций... не имеет случая развивать свои представления. В общем он становится настолько глупым и невежественным, насколько это вообще возможно для человека».

Здесь в нескольких резких словах заключена моя критика работы. Белл, писавший свой очерк в 1956 году, в Золотой век кретинизма Эйзенхауэра и американского самодовольства, обратил внимание на неорганизованное и неорганизуемое недовольство 1970-х и последующего периода, недовольство, которое не смогла обуздать ни одна политическая тенденция, которое отражено в докладах вроде «Работа в Америке», которое нельзя использовать и поэтому его игнорируют. Эта проблема – бунт против работы. Она не находит отражения ни в одном тексте либераль-

ния нескольких несложных операций... не имеет случая развивать свои представления. В общем он становится настолько глупым и невежественным, насколько это вообще возможно для человека».

Здесь в нескольких резких словах заключена моя критика работы. Белл, писавший свой очерк в 1956 году, в Золотой век кретинизма Эйзенхауэра и американского самодовольства, обратил внимание на неорганизованное и неорганизуемое недовольство 1970-х и последующего периода, недовольство, которое не смогла обуздать ни одна политическая тенденция, которое отражено в докладах вроде «Работа в Америке», которое нельзя использовать и поэтому его игнорируют. Эта проблема – бунт против работы. Она не находит отражения ни в одном тексте либераль-

ский человек», провозгласил примерно в то же время, что «фундаментальные проблемы промышленной революции разрешены» всего за несколько лет до того, как пост- и мета-индустриальное недовольство студентов университетов выбросило самого Липсета из Беркли в относительное (и временное) спокойствие Гарварда.

Как отмечает Белл, Адам Смит в «Богатстве народов», несмотря на весь свой энтузиазм по отношению к рынкам и разделению труда, был более встревожен (и одновременно более честен) в отношении изнаноной стороны работы, чем Эйн Рэнд и экономисты чикагской школы или кто-либо из эпигонов Смита. Как отмечал Смит: «Представления большинства людей по необходимости формируются их обычными занятиями. Человек, чья жизнь состоит из выполне-

ский человек», провозгласил примерно в то же время, что «фундаментальные проблемы промышленной революции разрешены» всего за несколько лет до того, как пост- и мета-индустриальное недовольство студентов университетов выбросило самого Липсета из Беркли в относительное (и временное) спокойствие Гарварда.

Как отмечает Белл, Адам Смит в «Богатстве народов», несмотря на весь свой энтузиазм по отношению к рынкам и разделению труда, был более встревожен (и одновременно более честен) в отношении изнаноной стороны работы, чем Эйн Рэнд и экономисты чикагской школы или кто-либо из эпигонов Смита. Как отмечал Смит: «Представления большинства людей по необходимости формируются их обычными занятиями. Человек, чья жизнь состоит из выполне-

ют меньше, чем мы; и вместо того, чтобы непрерывно работать, перемежают поиски пищи обильным отдыхом и большим количеством дневного сна на душу населения в год, чем при любых других общественных условиях». Они работают в среднем 4 часа в день, если вообще считать, что они «работают». Их «труд», как нам кажется, есть квалифицированный труд, который выявляет их интеллектуальные и физические способности; неквалифицированный труд по большому счету, как говорит Салинс, невозможен нигде, кроме индустриального общества. Итак, то, что мы описали здесь, вполне соответствует определению игры, данному Фридрихом Шиллером, - единственному случаю, когда человек реализует свою человечность в полной мере, «играя» обеими частями своей человеческой природы, разумом и чувствами. Он пишет: «Животное рабо-

ют меньше, чем мы; и вместо того, чтобы непрерывно работать, перемежают поиски пищи обильным отдыхом и большим количеством дневного сна на душу населения в год, чем при любых других общественных условиях». Они работают в среднем 4 часа в день, если вообще считать, что они «работают». Их «труд», как нам кажется, есть квалифицированный труд, который выявляет их интеллектуальные и физические способности; неквалифицированный труд по большому счету, как говорит Салинс, невозможен нигде, кроме индустриального общества. Итак, то, что мы описали здесь, вполне соответствует определению игры, данному Фридрихом Шиллером, - единственному случаю, когда человек реализует свою человечность в полной мере, «играя» обеими частями своей человеческой природы, разумом и чувствами. Он пишет: «Животное рабо-

тает, когда источником его деятельности является лишение, и оно играет, когда главным стимулом является сверхнасыщенная жизнь, побуждающая к действию». (...) Игра и свобода взаимодополняют друг друга в том, что касается производства. Даже Маркс, который (несмотря на все свои добрые намерения) принадлежит к пантеону продуктивизма, заметил, что царство свободы не наступит, пока не пройдет этап, на котором необходим труд, вызываемый необходимостью и внешней полезностью. Он так и не смог заставить себя отождествлять это счастливое состояние с тем, чем оно на самом деле является, - упразднением труда, - ведь ненормально, в конце концов, быть за рабочих и против работы. Но мы можем себе это позволить.

Стремление идти назад (или вперед) к жизни без работы очевидно в каждом

тает, когда источником его деятельности является лишение, и оно играет, когда главным стимулом является сверхнасыщенная жизнь, побуждающая к действию». (...) Игра и свобода взаимодополняют друг друга в том, что касается производства. Даже Маркс, который (несмотря на все свои добрые намерения) принадлежит к пантеону продуктивизма, заметил, что царство свободы не наступит, пока не пройдет этап, на котором необходим труд, вызываемый необходимостью и внешней полезностью. Он так и не смог заставить себя отождествлять это счастливое состояние с тем, чем оно на самом деле является, - упразднением труда, - ведь ненормально, в конце концов, быть за рабочих и против работы. Но мы можем себе это позволить.

Стремление идти назад (или вперед) к жизни без работы очевидно в каждом

серьезном социологическом или культурологическом исследовании по истории доиндустриальной Европы, среди которых книги М. Дороти Джордж «Англия в переходный период» и Питера Берка «Народная культура начала Нового времени». Также уместно вспомнить очерк Дэниэла Белла «Работа и недовольство ею», первый текст в котором столь подробно говорится о «бунте против работы», и который, если бы это было понято, мог бы послужить важной коррективой к самодовольству, обычно приписываемому той книге, в которой он опубликован – «Конец идеологии». Ни критики, ни поклонники Белла не заметили, что тезис о конце идеологии означал не конец общественного недовольства как такового, но начало новой, ранее не описанной фазы, не скованной идеологией и не замешанной на ней. Не Белл, а Сеймур Липсет в своей книге «Политиче-

серьезном социологическом или культурологическом исследовании по истории доиндустриальной Европы, среди которых книги М. Дороти Джордж «Англия в переходный период» и Питера Берка «Народная культура начала Нового времени». Также уместно вспомнить очерк Дэниэла Белла «Работа и недовольство ею», первый текст в котором столь подробно говорится о «бунте против работы», и который, если бы это было понято, мог бы послужить важной коррективой к самодовольству, обычно приписываемому той книге, в которой он опубликован – «Конец идеологии». Ни критики, ни поклонники Белла не заметили, что тезис о конце идеологии означал не конец общественного недовольства как такового, но начало новой, ранее не описанной фазы, не скованной идеологией и не замешанной на ней. Не Белл, а Сеймур Липсет в своей книге «Политиче-